

I AM 'X'

Одра Грэм

18+

Одра Грэм I AM 'X'

<https://litres.ru/74675388>

SelfPub; 2026

Аннотация

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ДИЛОГИИ.

У Хейдена затяжная депрессия. Его не интересует разгорающееся противостояние горожан и восставших вследствие эксперимента мертвых людей. Хейден хочет только одного — забытья, как и его близкая подруга Скай. Вместе они закрывают глаза, чтобы уснуть навеки. Но никто не предупреждал Хейдена, что «навечно» не входило в планы судьбы и что в отличие от Скай он проснется одним из них — неприкаянных мертвецов, которых общество презрительно называет дефтеросами.

Содержание

Когда я спрошу у Бога:	4
«что все это значит?»,	9
Он снова скинет меня	30
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Одра Грэм I AM 'X'

Когда я спрошу у Бога:

О содеянном не жалеют. Когда ты точно знаешь, зачем поступил именно так, а не как-то иначе, действия обретают смысл. Хейден тоже не жалел. Тем не менее, на всякий случай, бежал с места преступления так быстро, что, остановившись где-то за поворотом, уперся руками в колени и, переводя дыхание, с облегчением подумал: *«Никто не увидел»*.

Таков был план: незаметно своровать две ампулы со стола, с вежливой небрежностью попрощаться с миссис Хилл, закрыть дверь в кабинет и, пряча украденное в карманах куртки, пуститься наутек: сначала по лестнице лаборатории, потом по монструозным улицам убогого родного городка, который скоро станет лишь смазанным пятном в памяти.

Хейден относился к происходящему спокойно, и на фоне этого самого спокойствия позволил себе еще раз взглянуть на окружающий мир сквозь мутную заслонку депрессии и деперсонализации. Шесть вечера его двадцать третьей зимы, усталые люди идут домой, безуспешно стараясь миновать лужи из растаявшего снега, гудят немногочисленные машины, умудрившиеся образовать пробку на маленьком парковоч-

ном пятачке, неподалеку слышна музыка из дефтерос-бара, куда из живых осмеливаются заходить только полицейские — и то по долгу службы. За последний год в мире словно изменилось все и не изменилось ничего — неважно, дефтерос или живой, но люди в общей массе своей остаются людьми с самым типичным набором тараканов и демонов, которых словно выписывают по обязательному протоколу при рождении. Хейдену было не жаль, что через пару часов он больше не сможет видеть все это, но если бы сейчас он мог мыслить категориями причин и следствий, то в какой-то степени был бы благодарен своим тараканам за смелость.

После пробежки перед глазами поплыло, колени начали подгибаться, а в горле стало нещадно жечь. Уже полгода Хейден жил в состоянии, когда даже поход в магазин оказывался настолько энергозатратным, что по приходу домой тело просто не выдерживало и тянуло его к кровати. Целые дни и ночи, проведенные в муках существования, которое было отвратительно до скулежа. У Хейдена был последний шанс позвонить Скай и сказать, что все отменяется, что он трус и слабак, но нет — он определенно не жалел о своем решении и более того — ощущал каплю триумфа, словно теперь мог смотреть на эту жизнь свысока.

Отдышавшись и накинув на голову капюшон, Хейден побрел между домами, периодически оглядываясь. Вечером во дворах было небезопасно: скудное освещение фонарей едва ли помогало видеть ближайшие восемь метров впереди се-

бя, однако власти Блаунта сочли за первую необходимость осветить новехонькие биллборды с довольно улыбающимися лицами двух патентообладателей Дефтеросеина и надписью «Будущее создается в Э.М.А.». В какой-нибудь другой день Хейден порассуждал бы на эту тему, вероятно, даже осудил бы компанию за их противоречивое изобретение, но только не сегодня.

Усиливающийся дождь делал очертания нужной ему заброшенной фабрики нечеткими, словно размазанными, и единственная причина, по которой он еще не сбился с пути, вихляя по тропе к полуразрушенному забору, — это то, что до этого они со Скай частенько там проводили время — лишь бы никого не видеть и лишь бы никто не видел их.

Скай уже ждала его там. Она сидела, прислонившись спиной к бетонной стене между двумя бывшими цехами и вырывая заусенцы на пальцах. Хейден не помнил, чтобы ее руки когда-либо были красивыми — только отслаивающиеся кутикулы и погрызанные ногти. Это была привычка, втравившаяся в ее подсознание и проявляющаяся, когда она нервничала или просто не знала, чем заняться.

Завидев Хейдена, Скай подняла голову.

— Достал?

Хейден вынул из кармана две ампулы, наполненные красноватой жидкостью. На вид она выглядела как разбавленный водой малиновый сироп.

Он сел рядом со Скай и протянул ей персональную пор-

цию смерти, которую та взяла даже не раздумывая.

— Не сочти за жизнеутверждающую речь, но сегодня вечер особенно прекрасный, — она с интересом повертела в руках ампулу, словно тем самым отдавала честь тому, что поможет ей навсегда забыться.

Хейден пожал плечами.

— Не сочту. Но у тебя есть время передумать.

В своей жизни все, что связано со словом «передумать» Скай благополучно игнорировала из-за природного упрямства.

— Я уже говорила это, но... — она помедлила, подбирая правильные слова, которые стали бы символом уходящих мгновений. — Я благодарна тебе. За все.

— Ой да брось, — даже в таких ситуациях смущение одолевало его, поэтому он по обыкновению скрывал его за пространенными фразами.

— Нет, я серьезно. Мир — большая помойка, но мне повезло встретить тебя.

Хейден понял, что пытаться отмахнуться бесполезно.

— Мир, — повторил он запоздавшим эхом. — Я уже давно перестал понимать его.

— Так выпьем же за то, что мы пытались, — немного подрагивающими пальцами Скай вскрыла ампулу и вознесла ее в характерном жесте. На долю секунды Хейден увидел ее такой, какой никогда не видел — умиротворенной, уверенной. — Я люблю тебя, Хейден.

Вскрыть свою ампулу и выпить содержимое одним глотком оказалось нетрудно — на вкус все равно что микстура от кашля.

— И я тебя, Скай.

Она положила голову на его плечо и взяла его за руку, прикрыв глаза.

Ветер свистел в проломах крыши, перекрывая карканье ворон. Мир вокруг продолжал жить, несмотря ни на что, но они больше не принадлежали этому миру.

Темный вечер все настойчивее полз неумолимыми тенями по стенам заброшенной фабрики.

«ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ?»,

Старый, из последних сил дребезжащий кондиционер работал во всю мощь. Когда лопасть меняла направление леденящего дуновения, на лице врача можно было заметить тень облегчения, но, судя по всему, она до сих пор не знала, что лучше — умереть от простуды или от духоты, царившей в кабинете и ощущавшейся всякий раз, когда гудящее чудовище под потолком дуло куда-то в сторону.

Врач, вспомнив, что смотрит в больничную карту на компьютерном экране не просто так, повернула голову. Из-за медицинской маски были видны только ее глаза, которые снова превратились в узкие щелочки, словно она видела перед собой какую-то мерзость.

— Говорите, когда это произошло?

Хейден находился в воинствующем состоянии поиска справедливости, поэтому ему несложно было крайне терпеливо ответить уже в третий раз, несмотря на то, что свидетельство о смерти лежало у врача на столе.

— Две недели назад.

— Двадцать шестого февраля?

Она, должно быть, издевалась.

— Да.

Начали тянуться минуты, полные шуршания бумаг и щелканья левой кнопкой компьютерной мыши. Хейден не знал,

что конкретно она делала в его возобновленной, взятой из архива карточке, но когда-то, еще будучи живым, слышал, что дефтеросам меняют какой-то статус.

— Ну, что я могу сказать? — устало сказала врач, снова повернувшись к Хейдену. — На основе вашей истории, документов и вашего... кхм, внешнего вида можно сказать, что вы, очевидно, приняли Дефтеросеин в один день вместе с ядом.

— Но это невозможно, — возражение вскипело в нем ментально, он был почти на взводе. — Я не принимал Дефтеросеин ни до яда, ни после.

— Послушайте, — женщина сняла очки с крючковатого носа. — Принимал, не принимал — это уже не моя забота. Я вижу то, что вижу, тут и экспертиза не нужна. Вы на себя в зеркало вообще смотрели? Без кривого слоя тонального крема.

Вопрос был скорее риторическим, чем по существу, но Хейден дал ответ внутри себя, мысленно.

Он смотрел в зеркало два раза, и этого хватило ему наперед. Отличие между первым и вторым разом состояло в том, что в первый он посмотрел сразу же, когда каким-то чудом выбрался с кладбища: весь в земле, волосы в адском беспорядке, в глазах непонимание, почти что вопль отчаяния. Сначала в припадке ужаса он не заметил того, что разглядел во второй раз: бледная кожа, зрачки во всю радужку, сине-фиолетовые губы. Так не должно было быть. Но вот он

здесь.

— Если вы беспокоитесь, — продолжила врач, повыше натягивая сползшую медицинскую перчатку и не скрывая безразличия, — то могу вас заверить, что воскрешение прошло стандартно, тело не успело начать критично разлагаться, ваши рефлексы не утеряны. Но я должна позвонить в полицию.

— Полицию? — уточнил Хейден, неосознанно принявшись мять выстроченную кромку своей футболки и чувствуя, что все это все сильнее перестает ему нравиться.

— Намеренно вы приняли Дефтеросеин или нет, но если вы не участник эксперимента и не официальный покупатель, то это против закона.

Не схватиться за голову стоило ему больших усилий. Кажалось, что все это — дурная шутка. Хотя после воскрешения он больше не ощущал в себе депрессивности, виктимности и всего того, что раньше делало его слабым и уязвимым, сейчас он на мгновение ощутил себя именно таким. Но лишь на мгновение.

Тем временем врач набрала номер полиции на стационарном телефоне. Глупо было бы бежать. Это к лучшему — возможно, полиция поможет разобраться ему в произошедшем. Надо было сделать это раньше, а не сидеть дома первые три дня после воскрешения, трясясь от страха и отчаяния. Он с трудом поверил, что всё это происходит наяву — вонзившийся в реальность холод казенного кабинета не оставлял

места сомнению.

Первый день он помнил плохо — он был совершенно обессилен после того, как выбрался из гроба. Когда он вспоминал это, то ощущал дикий ужас. Благо, мэрия города не заботилась о бюджете похорон неприкаянных суицидников и не удосужилась выделить деньги на оплату работников, которые нормально забили бы гвозди в крышку гроба. Хейдену просто повезло, если не считать тяжести земли, которая попадала на лицо, в рот и глаза при попытке вылезти из черной, мрачной траншеи. Осознание себя, лежащем в гробу, — вот что по-настоящему страшно. Хейден отгонял жуткие воспоминания, но получалось плохо.

Собственно говоря, первый день был как в тумане, в какой-то вязкой мути. Хейден только помнил, как посмотрелся в зеркало и, не найдя в себе воли прогнать охвативший его ужас, завалился в кровать. На второй день он попытался изучить себя более детально уже после того, как помылся и смыл с себя грязь и вонь. Ничего принципиально нового он про себя не мог узнать, так как понятия не имел, что именно нужно проверять. Он бесконечно валялся в кровати и периодически подходил к зеркалу, чтобы проверить — может, это все-таки сон? Но отражение только укрепляло чуждость: бледная кожа, почти стеклянный взгляд, губы, потерявшие цвет. Как будто его подменили.

На третий день он понял, что он не может все время сидеть взаперти, но на улицу так и не вышел, в отличие от чет-

вертого дня, когда ему пришлось пойти в магазин за тональным кремом. То еще было приключение.

Сейчас он сидел в кабинете врача и ждал. Правоохранительные органы приехали оперативно. Двое мужчин в форме вошли в кабинет, точно так же как и врач вооруженные перчатками и маской, будто собирались контактировать с чудовищем. Увидев Хейдена, они переглянулись, молчаливо споря, кто из них должен заговорить с ним первым. Тот, что по-выше, наконец бросил:

— Документы при себе?

На эту реплику отреагировала врач.

— Есть свидетельство о смерти.

— Отлично. Мы изымаем его у вас. Пацана забираем с собой. Но сперва нам нужна копия его медицинского освидетельствования.

Распечатка копии врачом не заняла много времени.

За одно мгновение Хейден растерял весь свой оптимизм касательно благотворного сотрудничества с полицией — они открыто выражали свое презрение всем своим видом, словами и действиями. Особенно, когда один из них сжал предплечье Хейдена, заставляя его встать и, очевидно, проследовать за ними. Хейден успел стянуть со спинки стула свою кофту, которая, в общем-то, теперь в принципе была ему не нужна из-за отсутствия чувствительности к температурам, и поплелся за мужчинами.

В машину его сажали аккуратно, но явно не из чувства

благоговения, а из плохо скрываемой брезгливости и доли опасения.

— Долбанные ученые, — в процессе поездки один из них завел разговор, совсем не смущаясь присутствия Хейдена на заднем сидении. — Мир был спокойнее без всех этих мертвяков.

— Тебя просто бесит, что теперь чаще нужно переться на вызовы, — хмыкнул другой — тот, что был за рулем.

— Да даже если и так. Вот сидит он сзади, наблюдает. Какова гарантия того, что в один момент ему не взбредет что-то в голову и он не кинется проломить тебе череп?

Машина встала на красном светофоре. Пока второй полицейский думал над ответом, Хейден почувствовал прилив острого негодования. Ему хотелось кричать «я ведь человек! почему вы говорите все эти вещи?», но тут он смотрел на свои бледные, исцарапанные при попытке выбраться из гроба руки и понимал, что ощущение самого себя человеком — теперь не более, чем старая привычка.

— Ученые, может, и зря все это затеяли, но они не дураки — у них все предусмотрено. Они не стали бы создавать этот... э-э, Дефтеросеин, зная, что из-за этого могут пострадать нормальные люди.

Первый отмахнулся.

— Черт их теперь разберет. Трогайся уже, зеленый горит. Оставшуюся часть пути до участка все молчали. В салоне повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только шумом сколь-

зующих по дороге шин и едва слышным гудением кондиционера.

Хейден не знал, что будет дальше. Он вообще ничего не знал. В какой-то момент ему захотелось обнять себя руками, закрыться ото всех, стать крошечным и незаметным. Это естественное желание, когда ты дезориентирован, потерян, несмотря на неистовое, даже яростное желание во всем разобраться. Он ощущал, как в груди постепенно поднимается липкая тревога — такая, какую испытывают дети, потерявшиеся в толпе.

Позже его вывели из машины за рукав кофты. Работники участка долго косились на него. Господи, неужели все так ужасно?

С ним остался полицейский, который был настроен более лояльно. Другой, видимо, не хотел мारаться делом о «мертвяке».

— Садись, — сказал он коротко, кивая на стул, стоящий возле его рабочего стола. — И рассказывай.

Когда Хейден понял, что его никто не собирается отправлять в допросную с наручниками на руках, он по привычке хотел было выдохнуть, напрягая губы, но забыл, что смерть лишила его сильного дыхания, оставив лишь слабую циркуляцию.

Он не сел, а рухнул на стул, чувствуя себя окончательно запутавшимся.

— Что я должен вам рассказать?

— Как и при каких обстоятельствах Дефтеросеин попал к тебе в руки?

— Я не знаю.

— Может, тогда ты знаешь, что мы строго отслеживаем нелегальное распространение и употребление Дефтеросеина?

Хейден старался не показывать, что это всерьез беспокоило его.

— Я не принимал его специально. Все это... Я понятия не имею, как это произошло. Я просто могу рассказать то же самое, что рассказал врачу.

Полицейский не давал себе скучать — в его руках моментально появилась маленькая круглая игрушка-антистресс, которую он начать мять ладонью, словно это было интереснее, чем его работа.

— Валяй.

Хейден начал вспоминать двадцать шестое февраля.

— В тот день не было ничего значимого, кроме того, что я выкрал две ампулы с ядом на работе и...

— На работе? — полицейский зацепился за эту фразу.

— Я работал в лаборатории интерном.

Не отвлекаясь от своего важного занятия, тот лениво поинтересовался:

— И ты выкрал оттуда яд? Для чего?

— Чтобы выпить его. А потом я проснулся в гробу. Хотя не должен был.

Полицейский усмехнулся.

— И как же ты оттуда выбрался?

— Наверное, мне просто повезло — рыхлая земля еще не успела промерзнуть. Больше я ничего не помню.

— Ты сказал, что выкрал две ампулы. Одной мало, чтобы откинуться?

Уж что-что, а этому полицейскому «обаяния» было не занимать.

— Нет, вторая... — Хейден подавил в себе желание послать его куда подальше и постарался сосредоточиться на ответах. — Она нужна была для моей подруги. Ее звали Скай.

Скай...

К общему удрученному и потерянному состоянию Хейдена прибавился еще и тот факт, что Скай просто умерла. На четвертый день воскрешения облепленный пигментом тонального крема и пудры, Хейден навещал ее дома. Открывшая дверь мать-алкоголичка, особо не поинтересовавшись явившейся на ее порог персоной, ответила ему, что ходила на могилу Скай, когда ее уже похоронили, а та больше и не объявлялась. Да, учитывая существование дефтеросов, подобные вопросы и ответы не казались бредом.

Хейден презирал эту женщину — нормальная мать не сдаст свою дочь в отвратительную психиатрическую клинику, но, с другой стороны, он не имел права роптать, поскольку судьба свела его со Скай именно в этом злосчастном месте.

О, он помнил их знакомство. На тот момент Хейден, находящийся в клинике уже вторую неделю, увидел новенькую: в общем коридоре она держалась поближе к стене, словно открытое пространство наносило ей еще больший психологический урон, и дрожала, сжимая в побитых кулаках свои русые, невероятно длинные ломкие волосы. Из своего угла она затравлено смотрела на Хейдена, словно не могла поверить, что хоть кто-то ее замечает. А он просто подошел к ней и, почувствовав приближающуюся эмоциональную бурю, обнял. Ровно в ту же секунду слезы брызнули из ее глаз прямо на его отвратительно безвкусную больничную форму.

— Все хорошо... — тихо проронил он. — Первый день, да?

Услышать ее тонковатый приятный голос удалось только на следующее утро — Скай пришла поблагодарить его за поддержку и назвала свое имя. С тех прошло... четыре месяца? Пять? Хейден запутался, но это неважно. Важно то, что после выписки они не прервали связь. Это походило на печальную шутку, но Скай обзавелась депрессией в стенах клиники, а не до того, как попасть туда с руки собственной мамы. У них были просто ужасные отношения, и Скай предпочитала не говорить о них. Только четко дала понять — она больше не хочет жить, слишком тяжело для нее.

— А ты? — Хейден до сих пор помнил ее красивые зеленые глаза, когда они смотрели мутно и вопросительно. — Ты хочешь уйти?

После смерти своей тети Хейден едва ли жил по-настоящему, а пребывание в клинике только усугубило его состояние — в этой прогнившей во всех смыслах обители зла особо не обращали внимания, у кого какой диагноз, и просто лечили всех одним и тем же препаратом без учета индивидуального медицинского подхода. Хейден сильно ошибся, когда добровольно лег туда, — ему не помогли, сделали лишь хуже. Для Блаунта, их скверного городка, это было нормой. Заведение до сих пор не прикрыли только потому, что оно было единственным на всю округу.

С тех пор утекло много воды, но итог их со Скай плана шокировал и заставлял мучиться от неправильности происходящего. Почему Хейден воскрес? Как такое могло быть? И, раз уж на то пошло, почему Скай не воскресла тоже? Он ходил на ее могилу: никаких признаков отчаянной попытки вырваться из узкого плена гроба. Он тогда простоял у ограды почти час, вглядываясь в могильную плиту, как будто взглядом можно было вызвать чудо.

Если честно, он теперь понятия не имел, что делать со своей второй жизнью. До смерти он не особо интересовался дефтеросами, но знал, что они появились вследствие эксперимента, ключевым компонентом которого был Дефтеросеин, изобретенный группкой амбициозных ученых из Блаунта. Они просто подписали соглашение с одной сотней тяжело больных людей, за минуты до смерти дали им чудо-сироп, и те, все до единого, восстали ровно через две недели. Их

даже не хоронили, а просто держали в морозильных отсеках Э.М.А. Хейдену было жутко от этого.

Он ждал, что полицейский хоть как-то отреагирует на его ответ про Скай, но тот просто откинул антристресс-игрушку к углу рабочего стола и принялся копать в каких-то бумагах, стоящих в органайзере.

Перед Хейденом на стол упали какой-то бланк и ручка.

— Подписка о невыезде, — пояснил полицейский. — Доказательств, что ты нелегально принял Дефтеросеин, у нас нет, но и воскрес ты не просто так. Этим уже займется следствие.

— Следствие?..

— Я непонятно изъясняюсь? Подписывай.

Вписав свои имя и фамилию и поставив закорючку подписи, Хейден положил ручку и потер лицо руками. Он переставал что-либо понимать.

— И что теперь будет?

— Что будет? — мужчина пожал плечами. — На учет в Экспериментальной медицинской ассоциации тебя не поставят. Ты не участник эксперимента и не официальный покупатель, у которого есть большие деньги, чтобы купить себе вторую жизнь и все прилагающиеся блага. Для таких как ты один сценарий — без учета вы все как без прав.

— Но...

— Жизнь дерьмо, парень. Даже после смерти. Проваливай уже. Следствие свяжется с тобой позже.

До этого Хейден особо не верил в благожелательность местных правоохранительных органов, а сейчас перестал верить тем более. Дело не в донесенной удручающей информации, а том, что, разговаривая с полицейским, он ощутил себя просто ничтожеством. Все те, с кем он говорил после воскрешения, пытались сознательно или подсознательно внушить ему это, внушить собственную отвратительность, мизерность, словно все это являлось его выбором. Но это не так. Разве Хейден — не жертва очень странных, до сих пор неизвестных ему обстоятельств? Разве он хотел всего этого? Как оказалось, ярлык «мерзкого дефтероса» вешают, не разбираясь в причинах.

Хорошо, что город канул в глубокие сумерки — никто не видел его сползшего комьями дешевого тональника, его глаз, похожих на бездну, его состояния в целом. Покинув участок, Хейден плел домой — в единственное место, которое осталось у него после тети и в котором он мог ощущать себя в безопасности. Надолго ли? Он понятия не имел. После его смерти власти положили на дом глаз, однако только Хейден знал, что в фонаре на веранде всегда хранился запасной комплект ключей. Он еще не наводил справки, что делать в таких ситуациях и как оставить дом за собой, учитывая, что полицейский буквально в глаза сказал, что у Хейдена нет прав... Потом. Все потом.

Дом встретил его тишиной, а кровать, в которую он завалялся, не раздеваясь, — одиноким скрипом. Нет, сейчас он

не хотел спать, ему просто нужно было ощутить хотя бы объятие перекрученного одеяла. Последнее настоящее объятие ему подарила Скай. Теперь Скай нет, и он, полубезумный от всего происходящего, вжимался лицом в подушку, пачкая наволочку густо-бежевым.

Чуть позже, на кухне, он налил себе стакан воды — теперь, не нуждаясь в еде, при приёме которой его выворачивало в туалете, мог потреблять только жидкость, поддерживающую организм. Эта особенность казалась пугающей, но в то же время давала ощущение необычайной устойчивости. Ещё не зная всех тонкостей своего «обновлённого» тела, он заметил, что половина жизненных процессов словно отмерла.

Кожа плохо воспринимала прикосновения, внутренние органы будто ушли в спячку, а сердце работало как-то лениво и неуверенно — словно из вежливости.

Хейдену нужны были ответы. Много ответов. По его подсчетам сегодня был последний день перед тем, как ему отключат интернет за неуплату, поэтому он включил ноутбук и полез на форумы, которые могли хоть как-то прояснить ситуацию. Он делал это почти в отчаянии, словно цеплялся за последнюю соломинку. Перед глазами заплясали многочисленные ссылки. Большинство обсуждений оказались бессмысленным шумом, сплетнями, теориями заговора и религиозными проклятиями.

Он закрывал не нужные и оставался на сайте только в том

случае, если вдруг находил ответы на свои вопросы. Он задержался на занимательном диалоге трех пользователей.

gently_bro:

«Моя сестра тяжело больна. Она хочет стать официальным покупателем Дефтеросеина, но мы не до конца понимаем, как он работает. Кто сможет объяснить?»

guru27:

«Однажды попав в организм, Дефтеросеин вступает во взаимодействие с кровью — он не меняет ее состав (только цвет), но химическая реакция активного вещества и крови превращается в бесконечный цикл — поэтому дефтеросы могут жить целую вечность. Если, конечно, никто не снесет им голову. Надеюсь, ответил на ваш вопрос доступно».

blabla:

«Чел, препарат вышел от силы год назад, все еще идет период апробации. Ты откуда все это знаешь?..»

guru27:

«Почитай интервью Сандерсона. Он объяснял, как это должно работать в идеале».

gently_bro:

«Еще один вопрос. Правда, что дефтеросы неуязвимы?»

guru27:

«Дефтеросы почти не чувствуют боли и прикосновений. Ощущения внутренних органов и кожи притуплено. Но мозг — единственная болевая точка, ахиллеса пята. Убить дефтероса можно, либо отрубив им голову, либо выстрелив

в нее».

Сообщения были датированы пятым сентября прошлого года. Хейден открыл другой форум. Какое-то бурное обсуждение началось позавчера и продолжалось сегодня. Пришлось поднапрячься, чтобы выудить из потока сообщений что-то полезное.

wildddapple:

«Ребят, помогите советом. Хочу покончить (во всех смыслах) с прошлой жизнью и стать дефтеросом. Во-первых, они живут дольше, во-вторых, они не страдают от ментальных и физических болезней, в-третьих, меня всегда привлекала мысль внешне отличаться от обычных людей. Но все эти «за» перечеркивает одно большое «против» — я боюсь, что меня не поставят на учет, потому что у меня тупо нет денег стать официальным покупателем, хотела купить подпольно. Короче, что делать?».

rotter:

«Детка, как воскреснешь, напиши мне в личку — предлагаю таким куколкам работу».

oko:

«А нахрена тебе этот учет? Что с ним, что без него мы все равно изгой. Кто-то нас боится, кто-то ненавидит, а кто-то с баннеров и листовок кричит о том, что само наше существование — плевок в сторону священной жизни, надругательство над тем, что даровал людям Бог в единственном экземпляре. Я участник эксперимента и стою на

учете, и что с того? Даже если «подучетные» защищены законом, это не значит, что с ними охотно взаимодействуют всякие ведомства. Плюс есть многие несогласные, радикально настроенные люди, которые плетут против нас насильственные заговоры. В общем, мой совет — если нет реальных причин прощаться с нынешней жизнью, то не делай этого».

sunshine89:

«Чтобы сделать выводы и прийти к какому-то решению, можешь посетить наш клуб и послушать, с чем мы сталкиваемся. Если заинтересовало, напиши в личные сообщения — дам адрес».

Переполненный избытком информации, Хейден захлопнул крышку ноутбука. Его потряхивало от того, что ему пришлось читать это, от того, что теперь он один из дефтеросов и его реалии таковы; от того, что приходится это признавать. Он был зол. О, как же он был зол. Хотя после смерти депрессия больше не командовала им, но последнее, чего он хотел — это стать дефтеросом. Уж лучше бы умер с концами. Неужели за этим стоит какая-нибудь нелепая случайность? Он хотел знать. Нет — он должен знать.

Уже вечерело. Густые грозовые облака сбивались в кучу, подгоняемые холодным мартовским ветром. Когда Хейден вышел на улицу, несколько дождевых капель упали ему на лицо. Упали, а он почти ничего не почувствовал — только отдаленное ощущение влаги, словно прикосновение фанто-

ма. Даже если зарядит ливень, ему будет все равно, потому что он уже выбрал следующее место назначения и неотступно шел туда.

Он проходил мимо витрин, на которых красовались рекламные плакаты с надписью «Присоединись к потоку — стань частью будущего». Лица на баннерах улыбались так фальшиво, что в груди поднималась волна тошноты. Э.М.А. продолжала притворяться, что контролирует ситуацию, хотя Хейдену настойчиво казалось, что город держался на грани — как отложенная катастрофа.

В это время сотрудники лаборатории активно собирались домой, но только не миссис Хилл. Она всегда задерживалась на работе на полтора-два часа — то ли потому, что не успевала выполнить рабочую норму, то ли потому, что любила свое дело. За месяц знакомства с ней Хейден так и не понял.

Миссис Хилл была хмурой женщиной в приличном возрасте. Она курировала Хейдена, когда тот устроился к ним интерном. Хейден не питал к ней особых чувств из-за ее равнодушия ко всем вокруг, а теперь тем более не испытывал ничего, кроме желания добиться у нее правды.

Хейден зашел в здание лаборатории, миновал пустую стойку информации и направился к пятому кабинету. Гнев клокотал внутри, все в нем требовало справедливости и ответов. Лаборатория, когда-то казавшаяся ему храмом науки, теперь вызывала острое отвращение. Он вспоминал, как отец водил его в подобные места еще ребенком, рассказывая

о «великой миссии» — спасении жизни через науку. Кто бы знал, чем обернется это спасение.

Без стука он открыл дверь в кабинет и вошел.

Миссис Хилл сидела за микроскопом, а когда обернулась и увидела, кто к ней пришел, вскочила со стула и, пошатываясь из-за грузности своего тела, прибилась поближе к шкафу.

— Здравствуйте, миссис Хилл.

В глазах женщины плескался ужас.

— Ты... ты же... — сдавленно пробормотала она.

— Хотелось бы, но нет, — мрачно выговорил Хейден. — Я не причиню вам никакого зла, если вы вдруг боитесь. Но я пришел за ответами и не уйду, пока не получу их.

От ее равнодушия не осталось и следа — страх срывает маски. Прошло пару минут, прежде чем она поняла, что Хейден действительно не собирается ее трогать, или что еще там могло прийти ей в голову.

Немного успокоившись, миссис Хилл нащупала позади себя стул и села, не отрывая все еще напуганного взгляда от Хейдена.

— Что тебе нужно?.. Полиция уже была здесь.

— Двадцать шестого февраля у вас на столе лежали две ампулы. Что в них было?

Миссис Хилл поерзала на стуле, неосознанно взяв со стола ручку и начав нервно перебирать ее в руке.

— Я... я помню этот день. Я обнаружила пропажу сразу после твоего ухода. А потом я узнала, что ты... Ты знаешь.

И все подтвердилось.

— Что. Было. В. Ампулах?

— Ботулинический токсин типа Н. Я забрала его из лаборатории на втором этаже сразу после того, как он был приготовлен. Но Хейден, — ее лицо натурально исказилось в гримасе непонимания, — как же так? Почему?..

— Думаете, я хотел этого? Или, может, думаете, что я сделал все это специально?..

— Хейден, пожалуйста, только не горячись.

— Не говорите мне не горячиться, — неподконтрольное раздражение охватило его сознание. — Вы не просыпались в гробу, не пытались вырваться в панике, не сходили с ума, только лишь посмотрев в зеркало. Все, чего я хотел — мирно уйти из жизни, а все, что получил — статус гребаного дефтероса в больничной карточке.

Миссис Хилл смотрела на него огромными глазами и не шевелилась.

Хейден вдруг ощутил себя таким глупым. Каких ответов он хотел получить прямо сейчас, если для раскрытия правды требуется копать очень и очень глубоко?

Он прикрыл глаза, сделал глубокий вдох и на мгновение приложил голову к дверному косяку, пытаясь унять бурлящий гнев. Миссис Хилл напротив была напряжена как струна, натянутая на деку.

— Доброй ночи, миссис Хилл. И простите.

Это было последнее, что он сказал перед тем, как поки-

нуть кабинет.

Хейден был в раздрае. Все попытки добиться правды одномоментно — просто-напросто всплеск отчаянных эмоций в безвыходной ситуации, в какой муха обыкновенно бьется о стекло.

Он добрел до дома, не замечая на себе продолжительных взглядов прохожих, хоть и подсознательно ему хотелось укрыться, чтобы никто его не видел.

С точки зрения хваленой психологии Хейден все еще переживал отрицание, которое терзало его и скребло изнутри. О том, чтобы достичь принятия, речи не было, но он посчитал маленькой победой то, что, придя домой, он снова открыл ноутбук, зашел на форум и написал короткое сообщение sunshine89.

«Привет. Клуб еще существует?».

Он снова скинет меня

Единственное воспоминание об отце — свежая, угольно-черная татуировка уробороса на правом предплечье. То, что это был уроборос, Хейден понял не сразу. В девять лет особо не задумываешься о символичности черного кружочка со змеиной головой на здоровой, по меркам его возраста, отцовской руке. Он не помнил ни лица, ни голоса — только это тату, равно как и не помнил матери, погибшей за рулем автомобиля, когда ему было четыре года. Без нее отец продержался пять лет, а потом, если верить словам покойной тети, ушел в свободное плавание, словно у него не было сына, словно сын — не семья. Пытаясь анализировать прошлое, Хейден предполагал, что все дело в родительском возрасте: он появился на свет, когда матери и отцу было по двадцать — совсем еще юные. Но на самом деле кто теперь их разберет?

Хоть и не помня отцовского лица, Хейден часто видел тревожные беспокойные сны с его участием, даже кошмары. Один из таких приснился ему этой ночью: отец гнался за ним по пустынным улицам Блаунта, что-то кричал ему в спину, яростно брызжа слюной, а когда был уже в миллиметрах от него, резко хватал за воротник... и сон обрывался. Хейден не знал, чем вызваны кошмары и не хотел знать. Он предпочитал знать лишь факты, и к ним относился тот, что в свое время тетя Аннет заменила ему родителей и она хорошо справ-

лялась. По утрам готовила вкуснейшие блинчики, по вечерам устраивала им киновечера; поддерживала, когда случилось что-то не очень хорошее, и радовалась его успехам... Когда совсем недавно Аннет не стало, Хейден ощутил себя одиноким странником посреди ледяного океана жизни: без поддержки, без опоры, без возможности подать кому-либо сигнал S.O.S. В какой-то момент Скай стала для него родным человеком, но они пророчили себе только один путь — и то судьба внесла свои коррективы, и вот Хейден стоит перед зеркалом и мажет лицо тональным кремом, потому что он чертов дефтерос.

Ему не нравилась сама идея присутствия на лице какой бы то ни было консистенции, однако смотреть на свое мертвецки бледное лицо не доставляло ему никакого удовольствия, да и ловить на себе косые взгляды на улице оказалось мало-приятно.

Выходить нужно было через пять минут, иначе имелся риск опоздать. Хейден до сих пор не верил, что написал какому-то дефтеросу, чтобы посетить какой-то сомнительный дефтерос-клуб, но встреча с такими же, как он, могла пролить свет на ситуацию, потому что Хейден не знал, как быть дальше.

Прошлым вечером sunshine89 написала ему адрес и время начала заседания клуба. В ту часть города Хейден редко заходил, когда был нормальным, потому что ходили слухи, что там живет всякий сброд, но, с другой стороны, где еще

должны проводить встречи дефтеросы, которых не переваривает приличная часть горожан?

Несколько раз Хейден одергивал ладонь от ручки входной двери. Он не был уверен, что действительно хочет и может перенести встречу в этом клубе. Часть его открещивалась от этой затеи, другая же часть призывала к логике, а вся логика заключалась в том, что теперь все по-другому и необходимо принимать другие решения.

Выслушав прения обеих сторон, Хейден все же открыл дверь и, накинув капюшон на голову, вышел из дома.

Нужный район находился на другом конце города. Хейден передвигался быстрым шагом, кое-где даже перебежками, чтобы остаться в памяти прохожих просто мелькнувшей тенью. Когда он добрался до шестиэтажного здания из старого красного кирпича, то внимательно огляделся. Создавалось впечатление, что жители этой части города не желали высовываться из домов лишний раз, потому что вокруг Хейден не видел ни души, кроме какого-то бездомного, спящего возле протянутой снаружи трубы отопления.

Хейден знал, что ему нужно было зайти именно в это кирпичное здание — sunshine89 в личных сообщениях писала как раз о нем, — однако он медлил. Вдруг это все обман? Там его и таких же как он дураков могли ожидать дефтеросоненавистники, которые, как писал око, сплели какой-нибудь насильственный заговор. Но если Хейден не зайдет внутрь и не найдет помещение А, то никогда не узнает. А что, если

sunshine89 оказалась не той, за кого себя выдавала? Мир уже показал, на что способен.

Через пару долгих минут он решился и вошел. Изнутри здание напоминало обычный жилой дом. На первом этаже по правую сторону коридора и правда были запертые двери квартир, по левую же сторону — открытые помещения: какие-то заваленные хламом вроде сдвинутой в одну кучу мебели, какие-то пустые. Помещение А оказалось пятым по счету.

Хейден остановился у открытой двери и заглянул в проем, воровато вытягивая шею.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть, как он вздрагивал всякий раз, когда смотрелся на себя в зеркало. В углу отбеленной комнаты у окна стояла молодая девушка, бледная настолько, что становилось даже жутко. Она заметила Хейдена спустя несколько секунд, и за эти несколько секунд Хейден успел побороться с желанием уйти. Понятное дело — помимо себя самого, он видел мало дефтеросов в городе, поскольку те предпочитали прятаться, а теперь, увидев одного из них воочию, ему сделалось дурно.

Девушка у окна вроде как дружелюбно улыбнулась своими сине-фиолетовыми губами.

— Привет. Новенький?

Настал момент, когда просто сделать ноги было бы невежливо.

— Эм... Привет, — сказал он неуверенно. — Я пришел

на собрание клуба, sunshine89 сказала, что...

— Я знаю, что я говорила. Ну, писала, точнее.

Рот Хейдена сложился в букву «О».

— Как тебя зовут? — спросила она, отходя от окна ближе к центру помещения, вокруг которого стояли белые пластиковые стулья.

— Я Хейден. По крайней мере раньше меня так звали, а сейчас, наверное... — он вдруг запутался в том, что хотел донести. — Словом, надеюсь, право на имя у меня осталось.

— Так, — смотря на его попытки выразить мысль, девушка улыбнулась, — понятно, все понятно. Ты ведь недавно такой? Это нормально. Первое время все растеряны. Присядь, — она опустилась на стул и кивнула в сторону стула напротив. — Меня зовут Тина.

Хейден мысленно поругал себя за бессвязную и совсем ненужную речь, выставившую его, должно быть, последней мямлей, но быстро взял себя в руки и присел.

— Приятно познакомиться, Тина. А кто-нибудь... кто-нибудь еще придет?

— Да, конечно. Мы с тобой ранние пташки.

На минуту повисла тишина. Хейден, хоть внешне не проявлял это, все еще немного нервничал. Он не знал, о чем говорить. Возможно, стоило уйти, пока не стало совсем поздно. Однако предательская дрожь в пальцах подсказывала: это говорит страх, не разум. Тина напротив него едва заметно щурила глаза, словно изучала его, а он, в свою очередь,

изучал изучал ее: каре каштановых волос, большие глаза, чуть вздернутый кверху аккуратный нос, тонкие губы.

Чтобы заполнить паузу, Хейден наконец сказал:

— Наверное, сложно вести подобные встречи — каждого выслушать, каждому дать совет. Ты молодец.

В ответ та рассмеялась.

— Это был бы интересный опыт, но я не веду встречи клуба. Их ведет Джейн.

— Джейн?

— Да. Скоро ты увидишь ее. Обычно она приходит за пять минут до начала. Остальные подтягиваются ровно в семь. Кстати о начале, — из-за солнечного зайчика на ее руке блеснули часы, на которые она посмотрела, — сейчас как раз без пяти.

Ровно в этот момент, точно следуя какому-то сговору, в помещение вошла женщина. Нет, она даже не вошла, а впорхнула в невыразимой легкости на каблуках и в воздушном платье. На ее лице играла улыбка, и ей она так шла, что Хейдену подумалось, что она всегда улыбалась, не переставая.

— Тина, дорогая, привет, — вместе с этим она подлетела к окну, чтобы поставить на подоконник сумку, и вернулась к ним. — Я погляжу, у нас новые лица. Уже успели познакомиться?

Хейден смотрел на — очевидно — Джейн, смотрел и не мог понять — эта женщина настолько идеально владеет тех-

никой макияжа, что под ним не видно синюшной бледноты, или она обычный человек? Пялиться слишком долго было бы неприлично, а вот ответить было нужно.

— Меня зовут Хейден. Я не совсем понимаю, что здесь обычно делают, но решил попробовать.

— Ты воскрес недавно?

— Да.

— Отлично! Значит, сегодня ты узнаешь много нового и важного. Обычно после первой встречи многое встает на свои места.

Хейден хотел бы решить все свои проблемы одним махом, но вряд ли на этом собрании раскроется непостижимая тайна того, как он вдруг воскрес.

Через несколько минут в дверь один за одним начали заходить члены клуба. Может быть, они стояли на улице и болтали возле входа и теперь ввалились всей группой.

Хейден надеялся получить какие-никакие ответы на сегодняшнем собрании, даже ответы на самые незначительные, казалось бы, вопросы.

Среди участников клуба были самые разные личности: один старик, две — помимо Тины — молодые девушки, и даже два брата-близнеца среднего возраста. Самым, пожалуй, удивительным, было то, что ни у кого из них не наблюдалось на лице тонального крема или хотя бы чего-нибудь, что скрыло бы их нынешнюю суть.

— Присаживайтесь, — громко сказала Джейн, чтобы пе-

ребить шелест и возню, какие возникают перед каждым коллективным мероприятием. — Сейчас уже начинаем.

Хейден и Тина так и не вставали со своих мест, но Тина уступила свое место Джейн — так та могла сидеть по центру, чтобы все ее видели и слышали. Когда все расселись, Джейн почти торжественно произнесла:

— Всем еще раз привет! Сегодня наше четырнадцатое собрание, и я рада видеть здесь каждого из вас. Как вы могли заметить, у нас появился новенький. Так давайте же начнем со знакомства с ним! Хейден, расскажи немного про себя.

Самым ужасным и неудобным был тот факт, что все пары полупустых глаз устремились прямо на него.

Хейден не знал, что говорить. Не знал, как и о чем. Наверное, от него ждали чего-то, что связано с ним, как с дефтеросом. Само нахождение в этом клубе делало Хейдена уязвимым перед самим собой. Что будет, если он заговорит со всеми этими... людьми?

— Я... — он устремил свой взгляд в пол и буквально вынудил себя поднять его, чтобы не выглядеть невежливым. — Меня зовут Хейден. Я понятия не имею, что говорить. Разве что... Я не должен здесь находиться. Я вообще не должен быть. Я стал дефтеросом случайно.

Он не ожидал шепотков, вздохов и прочей бурной реакции, ее и не произошло. Члены клуба отреагировали по-своему: девушки переглянулись, старичок что-то проговорил себе под нос, один из братьев-близнецов поджал губы в со-

чувствии... И только Джейн и Тина оставались спокойными.

— Хейден, — произнесла наконец Джейн. — Расскажи, как так вышло? И расскажи, какие чувства ты испытываешь.

— Я не знаю, почему так случилось. Знаю только, что выпил яд, чтобы умереть, а очнулся в могиле... Что я чувствую?.. — Хейден зло усмехнулся. — Иногда я откровенно жалею себя. А иногда я просто в бешенстве. В такой ярости, какой не ощущал, даже когда был живым. Случайно это получилось, или это чей-то злой умысел — так не должно было быть, просто не должно.

— Брат моей бывшей подруги тоже стал дефтеросом случайно, — подала голос светловолосая девушка с зеленой кепкой на голове. — Над ним просто подшутили — на вечеринке подмешали Дефтеросеин в сок, а потом пырнули ножом во дворе. Тупая шутка, если шутка вообще. Не знаю, должно ли это тебе помочь, но твоя история — не единичный случай, правда в истории брата подруги злоумышленников нашли почти сразу.

— О, Анна, это очень мило с твоей стороны — поддержать Хейдена, — Джейн улыбнулась ей. — Хейден, я скажу тебе, что в твоём случае быть в ярости и бешенстве — это нормально. Ты жаждешь справедливости, ищешь виноватых, пытаешься понять. Иногда ярость единственное, что может держать на плаву в такие времена.

Пожилой мужчина тоже решил высказаться.

— С полицией уже разговаривал? Им, конечно, плевать

на безучетных с точки зрения закона, но не плевать, если в обществе идет процесс нелегального распространения пре-парата.

Хейден припомнил свой разговор с полицией и ему стало тошно от воспоминаний этих равнодушно-презирающих лиц.

— Полиция сказала, что начнется следствие — это все.

— Полиция, — ухмыльнулся один из близнецов. — Я стою на учете. Три месяца назад обратился в полицию из-за кражи имущества, так те до сих пор рассматривают мое заявление. Это свинство. Так что, парень, особо сильно не надейся на полицию, если у тебя нет денег, чтобы им заплатить.

— Ты купил себе вторую жизнь. Неужели у тебя нет денег, чтобы заплатить полиции? — поинтересовалась Анна, с сомнением поглядывая на него.

Вместо первого ответил второй брат.

— Деньги имеют свойство заканчиваться, знаешь ли. С нашим бизнесом сейчас туго — мало кто хочет становиться клиентами дефтеросов. Но это был наш выбор.

— Вы вообще знаете, откуда взялось это слово — «дефтерос»? — впервые за все время в разговор включилась брюнетка, которая выглядела более закрытой, чем все остальные, и даже несколько зажатой. — «Дефтерос» в переводе с греческого означает «второй». Мы для них вторые, второй сорт. После этого я уже ничему не удивляюсь.

— Справедливости ради стоит сказать, что не все люди

относятся к нам плохо. Джейн яркий тому пример, — Тина благодарна тронула Джейн за плечо.

— Мы живем в социуме, — подхватила Джейн. — Социум проявляет себя в самых разных ипостасях: непонимание, презрение, принятие, ненависть, милосердие, терпимость... Все люди разные. И хоть мы наблюдаем не очень хорошую тенденцию по отношению к дефтеросам, но есть те, кто пытается их понять и принять. Принять вас, мои дорогие.

Все одобрительно закивали. Джейн, как и догадывался Хейден, умела зажечь — неспроста она была главным заседателем клуба.

— Хейден, ты хочешь рассказать о себе еще что-нибудь? — обратилась она к нему. — Я заметила, что ты используешь средства маскировки. Это означает отсутствие внутренней гармонии. Об этом, как мне кажется, стоит поговорить.

Хейдену было некомфортно говорить о себе в таком количестве, но все ждали его ответа.

— Я пользуюсь тональным кремом, чтобы не приковывать к себе лишнее внимание. Когда я пошел за ним в магазин, все пялились на меня, на мою кожу, а продавец... Она разговаривала со мной только через маску, как будто я заразный.

— Они будут продолжать смотреть на тебя, милый. Твоя задача — не обращать на это внимания.

— Вообще в нашем клубе есть неизменное правило, — сказала Тина. — Мы никогда не применяем средства маскировки. Никакой косметики. Мы такие, какие есть. Мы долж-

ны принимать себя и не давать повода остальным издеваться над нами — морально или физически.

— Сегодня ты с нами в первый раз, Хейден. Конечно же, сейчас мы не будем просить тебя смыть косметику. Но если ты хочешь продолжать посещать наш клуб, то в последующие разы ты должен приходить в своем естественном виде, договорились?

Хейден кивнул, хотя еще и не знал, придет ли сюда во второй раз.

Тем временем всеобщее внимание переключилось на следующего спикера клуба, на Бенджамена — пожилого мужчину. Он сидел по правую руку от Хейдена и потому настала его очередь говорить.

Бенджамен начал рассказывать про то, что после воскрешения от него отказались дети и внуки. Оказалось, до Дефтеросеина он был тяжело болен раком. Семья уже была готова проститься с ним и отвергала вариант второй жизни, считая это противоестественным, но Бенджамен поступил по-своему — стал участником эксперимента в первом потоке. Уже почти как год дети и внуки не разговаривали с ним и не навещали его.

— Но вчера ко мне приехала младшая дочь, — продолжал он, сохраняя на губах легкую улыбку радости. — Сказала, что очень соскучилась, несмотря ни на что, но попросила никому из семьи не говорить об этом. Думаю, со временем они тоже оттают.

— Ты не боишься, что настанет время, когда тебе придется похоронить их всех? — любопытствовала блондинка в кепке. — Извини, если прозвучало бестактно, но ты выбрал путь одиночества.

Бенджамен не стал обижаться.

— Мы все его выбрали, — тут он посмотрел на Хейдена. — Ладно, не все, но большинство из нас. Но жизнь прекрасна еще многими вещами: культурой, искусством, путешествиями, саморазвитием. Я снова начал писать письма, бумажные, с чернилами, как в молодости. Правда, пока их не отправляю. Просто пишу и складываю в коробку. Наверное, так мне пока что спокойнее.

Джейн пояснила:

— Бенджамен художник и прозаик. У него особый склад ума и большой талант. Вот эту картину, — она указала рукой себе за спину, — Бенджамен нарисовал за один день. Удивительно, правда?

На картине, обьятой деревянной резной рамкой, был изображен день в хвойном лесу, постепенно переходящий в вечер. Плавный контраст света и теней завораживал и приковывал взгляд. Хейден не мог не выразить свое восхищение.

— Это прекрасно.

Еще больше он восхитился тому, что несмотря на почти затворническую жизнь, дефтеросы могли посвящать себя любимому делу.

— Спасибо, — Бенджмен с почтением кивнул. — Джоэл и Джим хотят высказаться. Давайте перейдем к ним.

Джоэлом и Джимом, как выяснилось, звали братьев-близнецов. Их можно было спутать из-за одинакового лица и причесок, но одежда на них была разная: на одном красный свитер, а на втором — зеленая рубашка. Сам факт того, что они оба были дефтеросами, озадачивал Хейдена и вызывал любопытство.

— Да, мы с Джоэлом хотели сказать вам кое-что, — Джим начал как-то неуверенно, явно медля, и из-за следующей фразы стало понятно, почему. — Через полтора месяца мы переезжаем своими семьями на ферму. К сожалению, мы больше не сможем посещать клуб.

Вместо печальных возгласов в помещении воцарилась тишина. Может быть, она и есть самое точное выражение печали, потому что после сказанного лица многих заметно скисли.

Джейн на мгновение растерялась, но быстро взяла себя в руки.

— Ребята, почему вами было принято такое решение?

— Мы уже долго над этим думали, — признался Джоэл. — Таких как мы не любят в городе. На ферме нам будет гораздо спокойнее.

— А как же ваш бизнес автозапчастей? — вспомнила девушка-брюнетка. Она, судя по всему, всегда высказывалась только когда накалялось что-то интересное. — Неужели вы

просто так закроете его?

— Нет, мы уже нашли человека на должность директора, он будет всем руководить.

— Что ж, — выдохнула Джейн и приободряюще улыбнулась. — Мы в любом случае поддерживаем ваш выбор, но будем очень рады даже редким вашим визитам.

Джим улыбнулся в ответ.

— Спасибо, Джейн. Спасибо каждому из вас.

Следующей была очередь Анны.

Она рассказала о том, что случайно попала на сайт каких-то фанатиков, которые превратили сам факт существования дефтеросов в очень сомнительный культ. Подробности Анна не рассказала — все очень размыто и без деталей, поскольку стоило ей понять, что сайт подпольный, как она сразу же его закрыла, но суть увиденного повергла ее неприятные ощущения. Упоминался некий манифест, призывающий считать дефтеросов избранной формой жизни.

Хейден слушал и не мог поверить в то, что сейчас вообще происходит в мире. До всей этой истории с собственным воскрешением он был слишком занят депрессией, чтобы сформировать свое мнение касательно все больше набирающего обороты безумия, поселившегося в обществе. Как же иронична бывает судьба — теперь Хейден понял это.

— Ты можешь обратиться в полицию, — подсказал идею Бенджамен. — Глядишь — и окажешься у них в почете.

— Я не хочу лезть во все это, — Анна покачала головой.

— Я понимаю, что Дефтеросеин был создан для жизни без болезней и для прочей чепухи, которую ученые и государство выставляют за официальную мотивацию, но все заходит слишком далеко. Я не лицемерка, но иногда я жалею, что вписалась во второй поток, хоть на тот момент мне казалось это единственно правильным выходом. Если бы не тогдашний диагноз, я бы, наверное, до сих пор жила в своём теле. В настоящем.

Хейден был опустошен из-за всей этой удручающей информации. У него хватило сил спросить:

— Сколько сейчас в городе таких как мы?

С лицом знатока местной статистики брюнетка ответила:

— Двести участников эксперимента, около восьмидесяти официальных покупателей и несколько десятков безучетных. Причем половина из этих нескольких десятков просто решили начать жизнь с чистого листа. Идиоты. Это так не работает.

— Вообще очень забавно, — вдруг заговорила Тина после долгого молчания, — что люди такие, какие они есть. И каждый из нас, когда-то будучи человеком, сидит здесь по своим причинам, которые раньше казались нам весомыми, важными. Но переосмысление всегда приходит после, когда уже ничего нельзя изменить. Все, что остается, — это принять себя. Это слово уже набило оскомину, но оно необходимое для всех нас.

Джейн медленно закивала.

— Тина говорит очень важные вещи. Помимо прочего, нужно найти в себе смелость признать, что ты совершил ошибку, но теперь вынужден жить с ней дальше. Хейден, у тебя совсем другая история, и я искренне надеюсь, что у тебя получится распутать этот клубок. Мы будем рады видеть тебя на следующем собрании клуба, ну а сейчас... — она глянула на наручные часы, — настала пора каждому идти по своим делам.

Все начали не торопясь вставать со стульев. Но только не Хейден. Он был переполнен, даже подавлен — сегодняшняя встреча и правда открыла ему глаза на многие вещи. Только когда Тина тронула его за плечо, он обнаружил себя в глубоких раздумьях.

— Хейден? Тебе понравилось?

Он наконец встал с места.

— Это было... полезно. Спасибо, — мельком оббежав помещение взглядом, он понял, что Джейн уже ушла. — Почему Джейн ведет встречи клуба? Она не дефтерос, — в следующую секунду он спохватился. — Не хотел звучать грубо, извини.

— Все в порядке, все новички задают этот вопрос. Скажем так — у Джейн есть свои причины ратовать за таких как мы. Она говорила об этих причинах лишь однажды, но я не имею права тревожить чужой чулан со скелетами.

— О, я понял. Понял.

— Хейден, — Тина полезла в свою сумку и, повозив в

ней рукой, выудила из нее телефон. — Даже если ты больше не придешь к нам в клуб, позволь мне записать твой номер телефона. Все же таким как мы нужно держаться вместе. В случае чего.

Хейден был рад чуткости, которую проявляла Тина. Он продиктовал свой номер телефона и в ту же секунду получил звонок — теперь номер Тины был опечатан и в его мобильнике.

Они разминулись на первом повороте возле кирпичного дома. Уже значительно стемнело, многочисленные фонари едва справлялись со своей задачей, учитывая, что дома были построены в ничтожном расстоянии друг от друга и создавали повсеместную темноту, особенно в темных улочках.

В это время всегда вылезала какая-нибудь нечисть вроде маргиналов и дворовой шпаны. Хейден честное слово хотел добраться до дома без приключений. Он уже предвкушал, как будет томиться в чертогах ядовитой меланхолии у себя на кровати, но тут он услышал громкий треск... ткани?

Хейден вдруг вспомнил, что стоит иногда смотреть по сторонам ради своей же безопасности, правда в данном случае было уже поздно. Посмотрев в сторону затемненного переулка между домами, он увидел, что группа подростков прижимала к стене кого-то, кто, очевидно, не мог постоять за себя при банальном раскладе несоразмерности сил. Они колошматили тщедушную фигуру с порванной курткой и грязными штанами, словно прежде чем начать бить, они хоро-

шенько повалили его по земле.

У Хейдена было два выбора: вмешаться или бежать. Оба варианта казались одинаково плохими, но он всегда верил в поступки, за которые потом не стыдно. Была в нем такая дурная черта — делать все для других и ничего для себя, поэтому, ведомый чувством обостренной справедливости, он собрал смелость в кулак и подошел ближе.

— Эй! — окрикнул он достаточно громко, чтобы его услышали и обернулись на голос. — Пятеро на одного? И вы считаете себя будущими мужчинами?

Помимо ярости в нем клокотал страх. Он буквально лез на рожон и не мог остановиться, потому что в мире для него существовало нечто большее, чем просто инстинкт беречь свою задницу.

— Тебе какая разница? — рывкнул повернувшийся рослый мальчишка. Очень рослый, надо сказать. — Они все равно почти ничего не чувствуют. Проваливай!

Второй грубо тронул его за руку.

— Дубина, посмотри на его глаза. Он тоже чертов мертвяк. Тащи его сюда!

Подсознательное желание сделать ноги кануло перед осознанием — полезть в драку лучше, чем когда тебя избивают, а ты не отвечаешь боем.

Когда рослый подросток и еще один участник драки двинулись в его сторону, Хейден почти обезумел от растерянности и поэтому кинулся первым. Глупо ли это было? Воз-

можно.

Его скрутили практически моментально. На лицо начали обрушиваться удары кулаков, которые потом перешли на живот и худые бока. Им это было в забаву. Хейден и тот несчастный парень, которому не повезло первым, действительно не чувствовали боли в полной мере, но творящееся безумие было вопиющей несправедливостью.

Среди ударов проскользнуло осознание: если он хочет жить новой жизнью, он не должен быть безмолвной мишенью.

Хейден инстинктивно закрывался руками и не понял, в какой именно момент ощутил, как живот пронзило что-то острое. Возможно, это было до того, как из носа брызнула бесцветная кровь, а возможно и после.

Должно быть, торчавший из живота Хейдена нож не входил в планы шпаны.

— Дирк, ты идиот! Мы же договаривались без всяких твоих штучек!

Хейден рухнул на колени. Кажется, он начинал терять сознание от испытанного шока.

— Валим! Ребята, валим!

Хейден ожидал тяжести в веках, помутнения в глазах. Первые пять минут так и было. Он был напуган, он был в панике, и словно все в его теле кричало о том, что сейчас он умрет.

Его прибило к земле слабостью, но, наверное, самое пу-

гающее и одновременно прекрасное заключалось в том, что эта слабость относительно быстро прошла.

Некоторых усилий ему стоило встать и заставить себя, шатаясь, дойти до парня, которого оставили валяться в луже. Тот лежал, раскинув руки, и жмурил глаза. Хейден подумал, что ему нужна срочная помощь, но тут парень подал голос.

— Ублюдки. Мелкие ублюдки.

У него оказалась рассечена губа и щека. Про остальные повреждения Хейден не знал.

— Ты как? Помочь тебе встать?

На пробу пошевелив своим телом, парень вздохнул.

— Знаешь, было бы неплохо.

Хейден встретил его руку на полпути и потянул его на себя, помогая подняться на ноги. Когда скудный свет далекого фонаря упал на лицо собрата по несчастью, Хейден понял, что парень, скорее всего, являлся его ровесником.

— Чувак, спасибо, что решил влезть во все это, — тот убрал руку только после того, как пожал Хейдену его. — Не то чтобы я задыхался от боли, но это жуть как неприятно. Да еще и раны будут полгода заживать.

— Полгода? — не понял Хейден.

— У нас регенерация вдвое, если не втрое медленнее, чем у людей. Ты недавно такой, что ли?

— В общем-то, да, — он решил, что слезливая предыстория ни к чему.

— Тогда понятно. Ты собираешься... — парень показал

что-то неопределенное рукой, — вытащить его?

— А, эм... Что?

— Нож. Ты собираешься вытащить нож?

Хейден осознал, что со всеми своими благородными порывами совсем забыл о нанесенном ему уроне, в том числе о ноже, торчащем в его животе чуть выше пупка. Он почувствовал себя идиотом.

— Это не больно. Давай помогу.

— Был опыт? — нервно усмехнулся Хейден, когда рука парня потянулась к рукоятке и взялась за нее.

— Было и не такое. Я Алан, кстати, — он для проформы побряхтел, доставая нож из плоти. Оказалось, это правда было не так больно, как успел себя накрутить Хейден — просто ощутимо.

Колюще-режущий предмет со звоном упал на землю, отскочив от них на полметра.

— Я Хейден.

— Клево. Я так понимаю, ты еще ни разу не был в нашем баре?

Хейден догадывался, о чем он говорил.

— Нет, не был.

— Я вообще-то изначально туда и шел, — поведал ему Алан, двинувшись с места по направлению к дороге и побуждая Хейдена тронуться за ним. — Но меня перехватили эти ублюдки... Так что — пойдешь со мной?

— Боюсь, у нас не совсем подходящий для этого вид,

Алан.

— Пф, — тот усмехнулся. — Это дефтерос-бар. Там вообще всем все равно.

Бар, для некоторых известный под названием «Слепая зона», считался своеобразным убежищем для тех, кто больше не вписывался в картину нормального общества.

Прельщала ли Хейдена перспектива посетить место, о котором слышал жуткие вещи, когда еще был нормальным человеком? Внутренне он мрачно, но как-то обреченно ухмыльнулся — себя и своих надо знать в лицо. Тогда почему нет?

— Что ж... Пошли.

Дорога не заняла слишком много времени. Они скоротали ее за разговором. Точнее, скоротал Алан, принявшийся рассказывать, как он стал тем, кем стал. Как оказалось, он купил подпольный Дефтеросеин и принял убийственную дозу снотворного, чтобы насолить своему пренеприятнейшему отцу и избежать ужасной участи — наследования бизнеса, а именно строительной компании, потому что сам Алан всегда мечтал заниматься музыкой.

— Зато прикинь, теперь у меня есть время всего мира для этого, — похоже, Алан умел иронизировать, быть оптимистичным и легким.

Свою историю Хейден не стал рассказывать, обосновав это, на первый взгляд, скромным «как-нибудь потом».

Пока они шли, люди, которые, вероятно, торопились до-

мой по ночному городу, смотрели на них с самым разным набором эмоций в глазах: по большей степени девушки и женщины в страхе косились на них и делали вид, что на самом деле просто посмотрели в их сторону мимолетно, как это обычно бывает; парни и мужчины пялились в открытую, иной раз не скрывая непонимания и отвращения.

— Ну а ты? Чем любишь заниматься ты? — спросил Алан, не обращая ни на что внимания.

— До всего этого я учился на химическом факультете и параллельно работал в лаборатории. Я думал, что это мое призвание. Мне нравилось разбирать вещества по молекулам, наблюдать реакции, анализировать закономерности. Теперь же я ничего не думаю.

— Кризис осознания, слышал про такое, — закивал Алан с деловитым видом. — Не поверишь, но у меня его не было. Я просто плыву по течению. Кстати, мы пришли.

Они остановились возле ржавой двери четырехэтажного обшарпанного дома.

— Знаешь, почему мы не встретили ни одного дефтероса на улице? — Алан не стал дожидаться ответа на свой вопрос и пояснил: — Потому что они уже все там.

Внутри на входе в сам бар их ждал фейс-контроль. Это были два здоровых мужчины, оба — дефтеросы. Они посветили Хейдену и Алану в глаза небольшим фонариком, проверяя, не затесался ли среди них обычный человек, и посторонились, пропуская внутрь через узкий дверной проход.

Попасть в такое место было... непривычно. Хейден-то и при жизни не любил всякие бары, а тут еще и сомнительный контингент посетителей. С одной стороны, Хейден ощущал себя лицемером, думая так про таких, как он, но с другой стороны, ему все еще сложно было принять тот факт, что его жизнь круто изменилась.

В баре играла громкая, словно в клубе, музыка. Возможно, с клубом у этого места больше схожести, потому что точно посередине обосновалась танцплощадка, а чуть поодаль — в противоположной стороне — находилась барная стойка и несколько столиков в тени укромных уголков. И это еще только первый этаж, насколько позволяла Хейдену судить лестница справа. Слева от нее мерцала табличка с надписью: «Второй уровень — VIP».

Свет был приглушённый, почти интимный. Дефтеросы всех возрастов — кто в одиночку, кто в паре, кто в шумных группах — танцевали, пили, болтали, перекрикивая музыку. Хейдена передёрнуло, но он дал себе слово хотя бы попытаться принять этот новый мир.

— Пошли, — громко сказал Алан и хлопнул его по плечу. — Здесь лучшая выпивка. Хотя она на нас не влияет, но в ней своя особая эстетика.

К бару им пришлось протискиваться сквозь плотную, хаотично движущуюся толпу. Дефтеросы были в открытой, не сковывающей движения одежде. Здесь были даже профессиональный танцовщицы: одетые в кожаные топики, шорты и

каблуки, они начали взбираться на барную стойку, чтобы исполнить очередной, наверняка обзванный взбудоражить умы и воображение танец. Все, все вокруг были бледные, никого нельзя было заметить с косметикой на лице, даже девушки. Казалось, каждый здесь старался доказать, что смерть — это не повод отказываться от веселья. Хейден молчаливо порадовался, что его тональный крем почти смазался, и он не станет изгоем хотя бы среди своих.

Сесть на барный стул пришлось почти на уровне ног танцующих девушек. Обстановка немного смутила Хейдена, но он решил не показывать этого.

— Ну, как тебе? — поинтересовался Алан.

— Пока не знаю. А тебе?

Алан засмеялся.

— Чел, я тут постоянно зависаю. Конечно же, мне просто супер. Пить будешь?

— Можно, — Хейден пожал плечами. — Я буду Б52. Хотя мне кажется это бессмысленным.

Алан хмыкнул.

— Хей, Люк, — обратился он к бармену, — нам Б52.

Хейден спохватился, что взял с собой мало денег — на коктейль остатка сбережений хватит, но не более того. Заметив его смятение, Алан утешил его.

— Не парься. Я угощаю. Кстати, ты уже думал, как дальше будешь зарабатывать себе на жизнь? Не то чтобы нам слишком много надо, но деньги лишними не бывают, сам пони-

маешь.

Хейден соврал бы, если бы сказал, что не думал об этом, однако он задумывался об этом недостаточно крепко, пока в полке лежали небольшие сбережения, а мысли были заняты только поиском правды.

— Скажем, я еще не подходил к этому вопросу с полной готовностью.

— Работу будет найти труднее, но это возможно. Многих дефтеросов оставляют на их работах. Ну, в основном подучетных. Безучетных берут неохотно, и то на какие-нибудь незначительные, низкооплачиваемые должности. Конечно, всегда можно найти дефтеросов, которые владеют своим бизнесом, и постучаться к ним, но эту стратегию уже просекли многие.

— Ты извини, но из тебя хреновая команда поддержки, — беззлобно заметил Хейден. — Я что-нибудь придумаю. А ты... Чем ты зарабатываешь?

Глаза Алана словно загорелись.

— Пишу музыкальные дорожки и продаю их через интернет. Один мой трек недавно даже взяли в заставку подкаста, посвящённого жизни после приема Дефтеросеина.

Бармен поставил перед ними коктейли, когда танцовщицы после окончания песни спустились с барной стойки, иначе был риск оказаться в ликере.

— Слушай, — Алан склонился поближе к Хейдену, и тому пришлось обратиться в чуткий слух, потому что заиграв-

ший трек оказался слишком взрывным и громким. — У меня есть кое-что интересное, чтобы значительно поднять нам с тобой настроение. Что скажешь?

Первой мыслью после подобного предложения были... стимуляторы? В клубах и барах такое явление очень даже распространено. Но Хейден не был уверен, что это подействует на них и что это вообще ему нужно.

Увидев замешательство на лице Хейдена, Алан склонился еще ближе к его уху и четко прошептал:

— Дефтеросеин.

— Что?..

Ему, должно быть, точно слышалось.

— А что ты думаешь? — самодовольно спросил Алан. — Что Дефтеросеин сбывают только для того, чтобы получить новую жизнь? Не-ет. В большинстве случаев его используют как хороший стимулятор сами же дефтеросы. Рынок процветает — хорошо поставщикам и нам тоже хорошо.

За считанные мгновения у Хейдена будто открылись глаза на происходящее. По мере каждого донесенного до него слова он все больше проваливался в осознание того, куда он все-таки попал и с кем именно попал — с парнем, который имеет привычку обращаться к собеседнику «чувак» и «чел» и «плыть по течению».

— Прости, Алан, но я, наверное, пойду, — он намеревался встать, но Алан удержал его за локоть.

— Ты чего, трусишь? Боишься? Забей, почти все дефте-

росы употребляют. Не будь занудой.

Хейден выдернул свою руку из хватки.

— Просто отвали, Алан, ладно?

При следующей попытке его сдержать Хейден обернулся ураганом, если не смерчем, и, развернувшись, схватил Алана за грудки и прижал его спиной к барной стойке. Он, неожиданно даже для самого себя, прошипел:

— Дай мне уйти, если не хочешь, чтобы к твоим ранам добавились новые.

Алан замер. Его широко распахнутые черные глаза с оторопью смотрели на скривившиеся в злобе черты лица Хейдена. Бармен, кажется, тоже застыл. У происходящего было от силы пару свидетелей, остальным же было все равно — они танцевали и пили.

Хейден ненавидел себя за проявляющиеся вспышки злобы в последнее время, но ему осточертело с каждым днем все больше узнавать про то, что общество начинало морально разлагаться, и осознавать, что он стал жертвой этого общества. Погоня за удовольствием и деньгами, тщеславные попытки бросить научный вызов смерти, деморализация — вот что происходило в чертовом мире. Хейден понимал, почему раньше он хотел покинуть его, а теперь он стал жертвой системы, где его воскрешение — не чудо, а товар.

Он разжал руки, отпустил Алана и ушел.

Уже на улице ночной город встретил его резкими порывами ветра. Погода снова портилась. Накинув капюшон, Хей-

ден с тяжелым сердцем побрел домой, минуя кварталы.

То, что случилось в баре, выбило почву из-под ног. Он ненавидел Дефтеросеин и все, что с ним связано не только потому, что из-за него он непонятным образом стал дефтеросом, но и по той причине, что в городе теперь на нем словно помешались, он стал причиной бессмысленной второй жизни и грязного удовольствия. Неужели те, кто его создал, действительно верили в какой-то «прорыв будущего»? Или изначально **весь этот фарс** задумывался ради наживы?

Шагая в сторону дома, Хейден сначала не ощутил на своем затылке пристального взгляда. Он просто шел, смотря себе под ноги. Но стоило ему обернуться на сторонний, будто бы неосторожный шум в паре метрах от него, где находился переулок, как он почувствовал взгляд всей своей кожей. Хейден был готов поспорить, что на него из темноты смотрела пара глаз. Очередная шпана? Шпион от следствия, которое ему обещали возбудить в полиции? А может, в городе появились **нелегальные организации по «регуляции» дефтеросов**— люди, считающие себя вершителями новой морали?

Несмотря на изменения в теле и разуме, в Хейдене все еще оставался инстинкт самосохранения. Он диктовал ему ускорить шаг, а потом, возле дома, и вовсе сорваться на бег — главное не оборачиваться. В лихорадке надвигающегося ужаса его подрагивающие пальцы не сразу смогли вставить ключ в замочную скважину.

Когда Хейден наконец закрыл за собой дверь сразу на замок и цепочку, он отошел от нее подальше. Имелся соблазн посмотреть в окно через задернутые шторы и убедиться, что преследователь не пошел за ним так далеко. А если пошел?

Хейден постоял на месте несколько минут, прежде чем решиться правда посмотреть в окно. На всякий случай осторожно ступая по полу, он подошел к окну на кухне и немного сдвинул край шторы. Делая это почти бесстрашно, Хейде

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.